

П.В. Михед

ГОГОЛЬ И МЕРИМЕ:

«Заметки о Мериме» в контексте духовно-эстетических исканий 1840-х гг.

Статья посвящена анализу короткого эссе Н.В. Гоголя «Заметки о Мериме», до настоящего времени не являвшегося предметом отдельного внимания литературоведов. Автор рассматривает данное произведение в контексте духовного и эстетического развития Гоголя в последнее десятилетие его жизни. В центре внимания исследователя повесть Мериме «Души чистилища», с текстом которой был знаком и которую, вполне вероятно, мог переводить Гоголь. Повесть французского писателя, если бы Гоголь ее перевел и издал, воспринималась бы как своеобразный претекст к его собственному произведению – поэме «Мертвые души». Стремясь избежать подобного толкования поэмы, Гоголь, вероятно, и отказался от идеи опубликовать перевод повести и тем самым избежал прямой переклички с католической моделью второго тома «Мертвых душ», который условно можно назвать «Мертвые души в чистилище», поскольку ориентация на структуру «Божественной комедии» не декларировалась писателем эксплицитно.

Ключевые слова: Гоголь, Мериме, преображение, душа, Страшный суд, дьявол.

В начале 1840-х гг. Н.В. Гоголь в поисках оснований «нового» христианства с увлечением и упорством, достойным восхищения, штудирует православные тексты, в то же время живо интересуясь западным христианским миром, его историей и современным бытованием. Тогда, как известно, Гоголь был весьма далек от ортодоксального православия. И его искренний интерес к практикам католицизма оказался настолько активным, что разговоры об этом велись не только в интеллектуальных кругах Петербурга и Москвы, но докатились и до Васильевки. Мария Ивановна, мать писателя, прислала тревожное письмо, беспокоясь о его религиозных увлечениях, отвечая, Гоголь успокаивает ее: «Насчет моих чувств и мыслей об этом, вы правы, что спорили с другими, что **я не переменю** обрядов своей религии. Это совершенно справедливо. Потому что как религия наша, так и католическая совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности переменять одну на другую. Та и другая истинна. Та и другая признают одного и того же спасителя нашего, одну и ту же божест-

венную мудрость, посетившую некогда нашу землю, претерпевшую последнее унижение на ней, для того, чтобы возвыситься выше нашу душу и устремить ее к небу. – Итак, насчет моих религиозных чувств вы никогда не должны сомневаться» [1. Т. 11. С. 118–119].

Духовный путь Гоголя невероятно своеобразен и неповторим, целостен и всеобъемлющ. Он определяет все его поступки, творческие замыслы, содержание переписки как одну из форм коммуникации с миром, наконец, интерпретацию чужих текстов и даже истолкование судьбы другого человека. Он целенаправленно искал созвучные ему идеи и умело включал их в орбиту своих интеллектуальных поисков. Главный вектор размышлений Гоголя можно сформулировать следующим образом. Как дать новую жизнь старым христианским ценностям, как обновить евангельские истины, как вдохнуть Христову веру в мертвеющие души – вот вопросы, которые были главными для Гоголя 1840-х гг. «Заметки о Мериме» находятся в контексте этих раздумий.

Представляется, что суровость православных догм и их жесткость Гоголь узнал и вполне прочувствовал только после бесед с Матвеем Константиновским, но это было уже в конце 1840-х гг. После же отъезда за границу в 1836 г. Гоголь с присущей ему целеустремленностью интересовался религиозной жизнью Запада, интересовался всем, что было близко ему, его идее перерождения, преображения мертвых душ. Особый энтузиазм у него вызывало все, что могло способствовать укреплению его веры, убеждению читателей в истинности избранного им комплекса идей, который и определил творческий и жизненный путь Гоголя в последнее десятилетие.

Одной из значимых вех на этом пути стала личность Проспера Мериме, и его повесть «Души чистилища» была одной из вех. Как человек целостный, увлеченный идеей спасения человеческих душ, Гоголь создал своеобразную оптику, сквозь которую воспринимал и современный ему мир, и духовное наследие прошлого. И упомянутая повесть не прошла мимо его внимания, свидетельством чего служит посвященное Просперу Мериме эссе, названное его публикаторами «Заметки о Мериме».

Как известно, впервые это произведение было напечатано по копии Н.П. Трушковского Н. Тихонравовым в дополнительном томе «Сочинения Н.В. Гоголя» (1892) в 10-м издании [1. Т. 6. С. 325–326]. В «Заметках» Гоголь указывает на то, что этот текст является предид-

словием к переводу повести французского автора «Души чистилища», озаглавленной Гоголем «Души в чистилище».

Объясняя причины обращения к личности Мериме, авторы комментариев к академическому изданию высказали следующее предположение: «Очевидно, перевод, в связи с которым Гоголь написал свою заметку, либо не был окончен, либо не был пропущен цензурой. Этим, может быть, объясняется и то, что заметка Гоголя осталась наброском и не была им опубликована. Наиболее вероятно, что заметка относится к 1840–1843 гг.» [1. Т. 9. С. 619]. Думаю, непроясненность истории написания «Заметок» является причиной того, что произведение не привлекло должного внимания исследователей, чаще всего упоминающих об этом эссе Гоголя в штудиях, посвященных его связям с западными литературами. Однако о самодостаточности анализируемого текста не было речи, хотя, по-нашему мнению, этот текст содержит очень интересную и важную информацию для понимания творческого развития писателя на рубеже 30–40-х гг. На это произведение стоит посмотреть как на самовысказывание Гоголя, что имеет отношение как к прояснению истоков определенных мотивов, так и к формированию писателем его образа, что очень заботило Гоголя. Эти его замечания – пример своеобразной трансформации литературных текстов и даже биографии писателя (в данном случае – Мериме), цель которых заключается в извлечении художником необходимых ему аргументов. Гоголь обращается к личности известного зарубежного писателя, чтобы усилить свою позицию, укрепить авторитетность своего слова, акцентировать внимание на комплексе тех идей, которые он исповедовал в последнее десятилетие жизни.

Даже признания автора «Заметок», что они являются предисловием к переводу повести «Души чистилища», не пробудили интереса гоголеведов. И причина, очевидно, в том, что этот перевод, как и его автор, до сих пор неизвестен, хотя есть основания полагать, что Гоголь мог быть причастен к его появлению.

Кажется, впервые о важности анализируемого текста и о связи «Заметок» с главным направлением творческого развития писателя, имея в виду, прежде всего, «Мертвые души», заговорила А. Елистратова, автор яркого, «оригинального и содержательного» (Ю. Манн) исследования, посвященного связям творчества художника с западноевропейским романом.

С точки зрения исследовательницы, «*Души чистилища*» отзываются идеей «*Божественной комедии*» Данте, которая «развивала необычайно важное для Гоголя представление о возможности духовного воскрешения, «преображения «человека» и которая, как известно, тесно связана с замыслом «*Мертвых душ*». А. Елистратова указывает на то, что заметка «проникнута глубоким уважением к Мериме», и дает высокую («особенно лестную») оценку самой повести Мериме «*Души чистилища*» (или, как называл ее Гоголь, «*Души в чистилище*»), отметив важность мотива гордыни и искупления: «Эта борьба двух начал в душе человеческой, – отмечает исследовательница, – могла особо занимать Гоголя в ту пору, когда он работал над продолжением «*Мертвых душ*» [2. С. 89]. Это справедливое наблюдение инспирировано комментаторами академического издания, указавшими на наличие в верхней части одного из двух листов рукописи записи, относящейся, «возможно, к работе над «*Мертвыми душами*» и напоминающей монолог неизвестного персонажа: «Милостивый государь! Милостивый государь такой-то, сякой-то и прочее, и прочее, за что вы должны всякий раз ему дать оплеуху по щеке» [1. Т. 9. С. 619]. А. Елистратова склонна полагать, что в этой записи Гоголь «как бы перелагает на русские нравы заключение новеллы Мериме, где по приказанию настоятеля дон Хуан должен каждое утро явиться к монастырскому повару и получать от него пощечину, а затем, поблагодарив его, подставлять и другую щеку...» И, завершая размышление, задает вполне правомерный вопрос: «Не думал ли Гоголь воспользоваться подобной ситуацией в своем изображении обуздания и перевоспитания страстей?» [2. С. 89]. Он выглядит весьма обоснованным, поскольку ситуация искупления действительно глубоко внедрилась в сознание Гоголя. Когда она зародилась, сказать трудно. Если бы это можно было сделать, то это и было бы ответом на вопрос, когда Гоголь познакомился с текстом новеллы Мериме. Однако текст перевода неизвестен, как и ответ на вопрос, переводил ли Гоголь повесть Мериме.

Вместе с тем повесть Мериме дает основание думать о возможной ее причастности к замыслу главного произведения Гоголя «*Мертвые души*». И, мне кажется, должна быть проанализирована как один из возможных источников поэмы Гоголя. Прежде всего следует обратить внимание на название обоих произведений. Я далек от мысли, что название поэмы «*Мертвые души*» было подсказано повестью Мериме, но она вышла раньше, чем возник замысел поэмы Гоголя, и думать

так вполне логично. Заметим еще раз, что Гоголь по-своему перевел ее название – «Души в чистилище». Создается впечатление, что повесть французского писателя, если бы Гоголь ее перевел и издал, воспринималась бы как своеобразный претекст к произведению Гоголя, обнажая замысел поэмы. Это к тому же придало бы поэме весьма прозрачный абрис католической тернарной модели («ад – чистилище – рай»)¹, что определенным образом деформировало бы смысл. Чтобы избежать подобного толкования поэмы, Гоголь, вероятно, и отказался от идеи печатать повесть и тем самым избежал прямой переключки с католической моделью второго тома «Мертвых душ», который условно можно назвать «Мертвые души в чистилище», поскольку ориентация на структуру «Божественной комедии» не декларировалась писателем эксплицитно.

Однако вернемся к повести Мериме. Что собой представляет легендарная история о Дон Жуане в редакции Проспера Мериме? Французский писатель обратился к популярному сюжету, имея перед собой ряд выдающихся предшественников: Тирсо де Молина, Мольера, Моцарта, Байрона, де Мюссе. Жан Фрестье, автор беллетризованной биографии Мериме, пишет, что писатель позаимствовал некоторые мотивы литературного образа Лизардо, студента из Кордовы, героя популярных народных романсов, собранных в книге Кристофера Лозано «Одиночество жизни и разочарование миром». Главные мотивы в названии произведения – одиночество жизни и разочарование миром, там есть и мотив о душах чистилища, а также ситуация присутствия героя на собственных похоронах [4. С. 66].

Сюжет повести Мериме представляет собой сложное переплетение событий, полных трагических перипетий. Молодой человек знатного рода дон Хуан де Маранья становится студентом Саламанкского университета и оказывается под влиянием дона Гарсиа. Последний, в статусе друга, и вовлекает Хуана в греховные удовольствия. Дон Хуан соблазняет юную донью Терезу; убивает на дуэли своего соперника; становится виновником гибели сестры Терезы доньи Фаусты и их отца. Вынужденный бежать из Испании, дон Хуан оказывается во Фландрии, с которой воюет Испания. И здесь он не отказывается от выбранной модели поведения. После смерти родителей он возвращается в Севилью, где продолжает распутную жизнь. Не удовлетворившись привычными связями, он бросает вызов самому Богу, решая соблазнить монахиню. Волею случая ею оказывается Тереза, ушед-

¹ На возможную конфликтность обратил внимание И. Есаулов (см.: [3. С. 86–87]).

шая в монастырь после смерти отца и сестры. Когда Хуан уговаривает ее бежать из монастыря, он видит дома, в алькове, картину Страшного суда, по отношению к которой с детства чувствовал трепетный страх: «Невольно взгляд его остановился на человеке, внутренности которого грызла змея, и хотя образ этот показался ему еще более ужасным, чем прежде, он не мог от него оторваться. В ту же минуту он вспомнил лицо капитана Гомаре и страшный отпечаток, который смерть наложила на его черты. Эта мысль заставила дона Хуана содрогнуться, и он почувствовал, что волосы его встали дыбом» [5. С. 268]. От увиденного он теряет сон, но и это не удерживает его от желания похитить донну Терезу. Однако по дороге в монастырь он встречает похоронную процессию и узнает, что хоронят именно его. Дон Хуан теряет сознание, а когда приходит в себя, исповедуется и хочет искупить грех – уходит в монастырь. Здесь он совершает свое последнее преступление – от его руки погибает брат Терезы, желавший ему отомстить. Умирает от горя Тереза, не дождавшись дона Хуана. Настоятель монастыря скрывает последнее преступление дона Хуана, убийство на дуэли, уверенный в искренности его обращения к Богу. Последние десять лет жизни, до самой смерти, дон Хуан проводит в молитвах, искупая грехи, в числе прочего каждое утро получая пощечину. Такова сюжетная схема повести Мериме.

Обращает на себя внимание то, что три мотива произведения Мериме присутствуют и у Гоголя. Во-первых, это мотив пощечины, к слову, довольно популярный у Гоголя – как момент перехода к новому состоянию, как сдвиг в психологии в процессе «переработки в собственной природе человека» (Гоголь). Первое упоминание об этом мотиве находим во фрагменте <<Дождь был продолжительным>>, датированном 1833 г. Если вспомнить, что «Души чистилища» появились во Франции в следующем, 1834 г., т.е. основания полагать, что Гоголь сам пришел к этому мотиву¹. А его удивление наличию этого мотива у Мериме было, вероятно, одним из стимулов живого интереса к этой повести, впрочем, очевидно, не единственным. Когда Гоголь приехал в Париж поздней осенью 1836 г., повесть была уже хорошо известна, поэтому не исключено, что он уже тогда прочитал «Души чистилища».

¹ Замечания В. Воропаева и И. Виноградова в комментариях к «Выбранным местам» о том, что происхождение фразы из повести Мериме тем самым поставлено под сомнение, поскольку она опубликована годом позже (см. : Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем в семнадцати томах. Москва; Киев, 2009. Т. 6. С. 603).

В «Записной книжке 1846 г.» в разделе «Анекдоты» встречаем запись: «Благодарность за оплеуху: – Давно бы, батюшка, так. Благодарю вас» [1. Т. 9. С. 569]. Обращение же «Милостивый государь!» фигурирует в ранней редакции второго тома «Мертвых душ»: «Безсильно чертил он (Тентетников. – П.М.) на бумаге по целым часам рогульки, домики, избы, телеги, тройки или же выписывал «Милостивый государь!» с восклицательным знаком всеми почерками и характерами» [1. Т. 7. С. 148]. Не было ли это началом письма, которое потом находим в другом произведении? И не был ли это, например, монолог Тентетникова?

Один из разделов «Выбранных мест из переписки с друзьями» завершается восклицанием: «О, как нам бывает нужна публичная, данная в виду всех, оплеуха!» [1. Т. 8. С. 348]. Это же слово употреблено в переписке с С. Шевыревым обоими корреспондентами и снова в связи с Погодиным, который без ведома Гоголя напечатал его изображения [6. С. 346, 348]. Для Гоголя «оплеуха» является ситуацией «обуздания и перевоспитания страстей».

Слово «оплеуха» вспоминает и С. Аксаков, защищая Погодина от упреков Гоголя в «Завещании». От имени оскорбленного он пишет: «Друг мой! Иисус Христос учит нас, получив оплеуху в одну ланиту, подставлять со смирением другую; но где же он учит давать оплеухи? Желал бы я знать, как бы вы умудрились отвечать ему» [6. С. 81].

В новелле Мериме читаем: «С целью умерщвления останков гордыни, еще сохранившихся в его душе, аббат повелел ему каждое утро являться к монастырскому повару, чтобы получить от него пощечину. Приняв ее, он неизменно подставлял вторую щеку, благодаря повара за такое унижение» [5. С. 81]. Известный евангельский мотив парадоксальной, с естественной и традиционной точки зрения, реакции-ответа на зло смиренным поведением фигурирует в Нагорной проповеди «...не противься злу»: «Ударившему тебя по щеке подставить и другую» (Лк. 6: 29). Эта ситуация присутствует во втором томе «Мертвых душ»: «Ваше сиятельство! не сойду с места, покуда не получу милости, – говорил Чичиков, не выпуская сапог князя...». За этим последовала гневная реакция князя: «Подите, говорю вам! – говорил он с тем неизъяснимым чувством отвращения, какое чувствует человек при виде безобразнейшего насекомого, которого нет духу раздавить ногой. Он встряхнул так, что Чичиков почувствовал удар сапога в нос, губы и округленный подбородок...» [1. Т. 8. С. 108–109]. Этот эпизод, как и пребывание в тюрьме (здесь ощутимы переключки

с жизнью и творчеством Сильвио Пеллико [7. С. 103–112]), по замыслу автора, должен стать началом преображения Чичикова.

Другой важный мотив, который был близок Гоголю и функционирует в повести Мериме, – это мотив Страшного суда. В письме к матери (02.10.1832) Гоголь свое религиозное пробуждение связывает с ее рассказом о Страшном суде: «На все я глядел бесстрастными глазами; я ходил в церковь потому, что мне приказывали или носили меня; но стоя в ней, я ничего не видел, кроме риз, попа и противного ревеня дьячков. Я крестился потому, что видел, что все крестятся. Но один раз – я живо, как теперь, помню этот случай. Я просил вас рассказать мне о Страшном суде, и вы мне ребенку так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность. Это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли» [1. Т. 10. С. 282]. Можно согласиться с В. Воропаевым, убежденным, что «тема Страшного суда пронизывает все творчество Гоголя...» [8. С. 30]. Понятно, что в христианском мировоззрении Гоголя, в его христианской картине мира Страшный суд и есть явление Божественной Истины, что определяет функциональную природу этого мотива и сюжетных ситуаций, связанных с ним.

Тема Преображения и Воскресения составляет сердцевину замысла и «Выбранных мест», и второго тома «Мертвых душ» [13, С. 155–173]. Вспомним, что и финал поэмы завершался этой сценой, о чем свидетельствует «<Набросок к окончанию «Мертвых душ»>», построенный как монолог Бога, адресованный к его подданным: «Зачем же ты не вспомнил обо Мне, что я на тебя гляжу, что я твой? Зачем же ты от людей, а не от Меня ожидал награды и внимания, и поощрения? (Зачем не шел ты до конца, закрывши глаза на людей и смотря только...) Какое бы тогда было тебе дело обра<щать внимание?>, как издержит твои деньги земной помещик, когда у тебя Небесный Помещик? Кто знает, чем бы кончилось, если бы <ты> до конца дошел не устранившись? Ты бы удивил величием характера, ты бы наконец взял вверх и заставил изумиться; ты бы оставил имя, как вечный памятник доблести, и ронял бы ручьи слез, потоки слезные о тебе и как вихорь ты бы развевал в сердцах пламень добра» [1. Т. 7. С. 274].

Герой «Душ чистилища» Мериме тоже в детстве был поражен картиной мук грешников. Написанная в сухой и строгой манере, она изображала различные виды пыток. Обычно маленький Хуан подолгу

стоял у этой картины, которая и пугала его, и одновременно пленила: «В особенности не мог он оторвать глаз от человека, которому змея грызла внутренности, в то время как он был подвешен над пылающей жаровней с помощью железных крючков, вонзившихся ему в бока. С тоскою впиваясь взором в отдушину, грешник, казалось, просил у жертвователя молитв, которые бы его спасли от такой муки» [5. С. 223]. Преображение героя наступает именно после встречи с этой картиной: «...он обвел комнату рассеянным взглядом и вдруг увидел в алькове картину с изображением мук чистилища – картину, на которую он так часто смотрел в детстве. Невольно взгляд его остановился на человеке, внутренности которого грызла змея, и хотя образ этот показался ему еще более ужасным, чем прежде, он не мог от него оторваться. В ту же минуту он вспомнил лицо капитана Гомаре и страшный отпечаток, который смерть наложила на его черты. Эта мысль заставила дона Хуана содрогнуться, и он почувствовал, что волосы его встали дыбом... темнота еще увеличила его страх. Глаза его по-прежнему были обращены к картине, которой он теперь не видел, но она была так хорошо ему знакома, что он в воем воображении видел ее отчетливо, как будто был яркий день. Временами ему казалось даже, что фигуры озаряются и начинают светиться, словно пламя чистилища, изображенное художником, было настоящим огнем» [5. С. 268]. А в тот момент, когда он видит в галлюцинациях дона Гарсиа и капитана Гомара, еще раз появляется эта тема: «В то же мгновение исполинская змея появилась из-за его спины и, вытянувшись впереди него на несколько футов, казалось, готова была кинуться на гроб...» [5. С. 271].

В этой же сцене снова звучит и тема Страшного суда, в последней мессе за душу самого дона Хуана: «Тем временем служба продолжалась, и своды церкви еще усиливали раскаты органа и звучность голосов, певших грозное «Dies irae». Дону Хуану казалось, что он слышит хоры ангелов в день Страшного суда» [5. С. 270]. На вопрос, обращенный к священнику, за кого они молятся, дон Хуан услышал ответ: «Мы молимся за его душу, погрязшую в смертном грехе, а сами мы – души, спасенные из пламени чистилища мессами и молитвами его матери. Мы платим сыну долг наш перед его матерью. Но это последняя месса, которую нам разрешено совершить за душу дона Хуана де Маранья» [5. С. 271].

Подобные совпадения не могли не поразить Гоголя, и это еще один ответ на вопрос, почему произведение привлекло его особое внимание. Напомню, что тема Преображения является главной в размышлениях писателя 1840-х гг. Можно с уверенностью утверждать,

что «Заметки о Мериме» конденсируют целый ряд тех вопросов, которые так явственно звучали в творчестве писателя, а мотивы повести «Души чистилища» своеобразно преломляются в семантическом поле «Мертвых душ». Герой Мериме проходит тот путь, который предвидит Гоголь для своих «мертвых душ», изображение воскресения которых является финалом замысла его главного произведения.

Третий мотив, который является важным топосом в творчестве Гоголя и повести Мериме, – мотив дьявола, инкорпорированный в ткань гоголевских произведений уже в ранних пробах пера. В произведении «Души чистилища» Мериме этот тематический мотив является одним из центральных. Он возникает в начале: «С каждым словом дона Гарсиа дьявол все глубже забирался в душу дона Хуана, внушая Ему, что то, что он до сих пор считал пустой шуткой, может привести к самым приятным для него последствиям» [5. С. 247]. Эта тема появляется в кульминационные моменты повествования. Опять же в связи с доном Гарсиа: «Лучшее доказательство бессилия дьявола – то, что вы сейчас стоите живой в этой траншее. Поверьте мне, господа, – прибавил дон Гарсиа, хлопая дону Хуана по плечу – если бы дьявол существовал, он бы уже забрал этого молодца» [5. С. 259]. Наконец, этот мотив возникает в связи с замыслом дона Педро, который «проявил лишь дьявольский расчет. Он много слышал о суровой жизни дона Хуана, и слава его святости не позволяла дону Педро сомневаться, что, умертвив его, он отправит его прямо на небо. Он надеялся, что, вызвав его на дуэль и заставив с собой драться, он его убьет в состоянии смертного греха и таким образом погубит тело его и душу. Мы видели, как этот адский план обернулся против него самого» [5. С. 278]. А перед этим он обвиняет и дону Хуана в связях со злыми силами: «Я разорву в клочья твою лицемерную рясу, под которой ты прячешь свое чертово копыто...» [5. С. 276–277].

Мотив дьявола присутствует и во втором томе «Мертвых душ». Арестованный Чичиков готов искупить свои грехи и видит причину в происках дьявола: «Сгубила, проклятая! Не знал меры; не сумел вовремя остановиться. Сатана проклятый обольстил, вывел из пределов разума и благоразумия человеческого. Преступил, преступил! Но только как же можно этак поступить!» [1. Т. 7. С. 110]. А в другом месте: «Искусил шельма сатана, изверг человеческого рода!» [1. Т. 7. С. 110]. Или: «Демон-искуситель сбил, совлек с пути, сатана, черт, исчадь!» [1. Т. 7. С. 113]. Это сквозной мотив оправдания Чичикова.

Ведут дискуссии герои «Души чистилища» и о душе: «А о душе вы забыли? – спросил старый капитан, крестясь при этом страшном богохульстве.

– Ну, что касается души... то нужно сначала убедиться, что у меня есть душа. Кто утверждает, что у меня есть душа? Попы. Но это выдумка с душой приносит им такой доход, что, наверное, они сами ее сочинили, как булочки, придумавшие пирожки, чтобы их продавать» [5. С. 258]. Последние слова принадлежат дону Гарсиа, склонному к богохульству. Правда, в советские времена это воспринималось как бунтарство и едва ли не революционность. Так, Ю. Виппер утверждает, что «безверие дона Гарсиа приобретает характер твердого убеждения, смелого бунтарства», а дон Хуан на деле получается половинчатой и непоследовательной «душой чистилища» [9. С. 15].

Даже в фигуре смиренного дона Гарсиа было что-то от самого Гоголя, его безмерного смирения: «Он умер, чтимый как святой даже теми, кто знал его прежние бесчинства. На смертном одре он просил, как милости, чтобы его погребли на пороге церкви, дабы всякий, входя в нее, попирал его ногами. Он пожелал еще, чтобы на его гробнице вырезали надпись: «Здесь покоится самый скверный человек, какой когда-либо жил на свете». Однако сочли излишним выполнить все эти пожелания, вызванные его чрезмерным смирением» [5. С. 278–279]. Не вспоминался ли этот эпизод Гоголем, когда он писал завещание в «Выбранных местах из переписки с друзьями»?

Наконец, важно подчеркнуть, что другой важной темой «Записок» являются размышления о призвании художника. Представленный Гоголем портрет Мериме скорее декларативный, чем реальный. Гоголь передает здесь не столько действительный образ французского писателя, сколько воспроизводит идеальный концепт художника, тревоживший его собственное воображение на протяжении многих лет. В заметке речь идет о «замечательнейшем писателе 19 века», наделенном «дарами гения», произведения которого несут на себе «яркую печать таланта». В них «много правды, много верности и в беглых и, так сказать, мимоходом рассыпанных заметках, много познаний и опыта, и много познания жизни». Автор «Заметок» акцентирует внимание на том, что Мериме не потакает вкусам публики, «сама жизнь его не сходится с общею жизнью Европы». А еще – Мериме «обладает... способностью схватывать верно местные краски, чувствовать народность и передать ее» [1. Т. 9. С. 21].

Среди заслуг Мериме Гоголь называет его стремление уходить от политической жизни, дистанцироваться от того, чем жила современная Европа. Поэтому главным занятием Мериме выбрал инспекцию памятников и французской старины. Гоголь склонен даже приписать творческой манере Мериме черты, неприсущие французским литераторам («не даются французу»): «именно способностью схватывать верно местные краски, чувствовать народность и передать ее» [1. Т. 9. С. 21]. А еще – умение почувствовать славянский дух: «С этой стороны Мериме является в своих созданиях далеко выше своих писателей-соотечественников» [1. Т. 9. С. 21]. Если мы обратимся к реалиям исторической биографии Мериме, то мы увидим, что тот не гнушался интересом к политической жизни и не был, как известно, так уж далек от жизни правящей элиты. В 1852 г., уже, правда, после смерти Гоголя, Мериме принимает орден Почетного легиона, а в следующем – становится сенатором с легкой руки жены императора Луи Наполеона III. Это сблизило его с семьей императора, тешило его честолюбие, и он годами не обращался к художественному творчеству.

Портрет Мериме у Гоголя – это еще одна вариация образа идеального художника. Он перекликается с очерком об А. Иванове, помещенным в «Выбранных местах»: «Он (Иванов. – *П.М.*) идет своей собственной дорогой и никому не помеха. Он не только не ищет профессорского места и житейских выгод, но даже просто ничего не ищет, потому что уже давно умер для всего в мире, кроме своей работы» [1. Т. 8. С. 328–329]. Гоголь отмечает «самоотвержение и беспримерную любовь к искусству», равнодушие художника к «приманкам жизни», он верен «своему делу, как монах монастырю». А. Иванов, с точки зрения Гоголя, «плюнул на все приличия и условия светские...» [1. Т. 8. С. 337]. Понятно, что когда сам художник с такой страстью говорит о высоком призвании и образе художника-аскета, то читатель вольно или невольно переносит его на самого Гоголя.

И в первом, и во втором случае Гоголь, помимо прочего, заставляет читателя поверить, что его собственные установки, о которых знала литературная и, отчасти, читательская общественность, не были какими-то исключительными, что такое отношение – характерная черта большинства представителей художественного мира. И печать этих представлений, разумеется, бросает отсвет и на фигуру Гоголя.

Привлекает внимание упоминание в этой заметке о Пушкине: «Пушкин уважал его много. Он назвал его остроумным и оригинальным писа-

телем, а сочинения его замечательными в нынешнем униженном, жалком упадке французской литературы (смотри Сочинения Пушкина, т. IV, в Предисловии к Песням западных славян)» [1. Т. 9. С. 20]. Гоголь пишет о Пушкине как о высшем авторитете, а в конце вспоминает о том, как сам Пушкин поверил в стилизацию Мериме и оказался в несколько смешной ситуации, когда принял на веру напечатанное Мериме собрание славянских песен и перевел их, поскольку «принял их за подлинные и с такой верною простотою передал их в полновесных стихах своих» [1. Т. 9. С. 21]. Это пример двойственного отношения Гоголя к Пушкину, когда, с одной стороны, манифестируется высокий авторитет поэта, а с другой – легкая ирония писателя несколько снижает образ великого поэта. Как говорит И. Золотусский, Гоголь «позволяет себе и щекотать своего кумира» [10. С. 221].

Знал ли Мериме о попытке перевода Гоголем его произведения? Вопрос этот открыт. Как, кстати, и вопрос о знакомстве двух выдающихся писателей¹. Жан Фрестье считает, что Гоголь переписывался с Мериме при посредничестве французского литератора Адольфа де Сиркура, который был женат на Анастасии Хлюстиной. В российских источниках есть свидетельства о том, что Гоголь активно общался с Сиркуром [12. С. 670]. Впрочем, очевидно, что Проспер Мериме и понятия не имел о том, что он и повесть сыграли важную роль в утверждении Гоголя в его взглядах и идеях последнего десятилетия.

С другой стороны, Гоголь, как правило, никогда не афишировал те тексты, которые использовал в своих целях. Он переосмыслил и умело адаптировал их в соответствии со своими идеями и концепциями. Мериме был одним из тех авторов, творчество которых ощутимо отозвалось в художественном мире Гоголя. И это при огромных различиях, которые бросаются в глаза при сопоставлении двух великих мастеров. Гоголь полагал Мериме своим идейным союзником, причем, его комплиментарные заметки больше говорили о самом Гоголе, чем о предмете его внимания.

Подводя итог, стоит отметить, что эссе Гоголя свидетельствует о его особом интересе к повести Мериме, которая целым рядом мотивов и идей перекликается с поэмой «Мертвые души». Гоголь на определенном этапе реализации своего замысла был заинтересован в переводе повести Мериме, но, осознав «опасную» близость его произве-

¹ О личном знакомстве существуют разные версии, хотя прямых свидетельств тому нет. Ю. Янковский, например, пишет: «Есть основания считать, в 1837 году в Париже Гоголь познакомился с Мериме лично» [11. С. 111–112]. Однако не аргументирует это мнение.

дения, отказался от этого, а написанное им эссе утратило актуальность и осталось в архиве писателя.

Литература

1. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
2. Елистратова А.А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа. М., 1972.
3. Есаулов И. Тернарная структура «Мертвых душ» и православная традиция. Проблема преодоления апостасии // Микола Гоголь і світова література. Київ; Ніжин, 1994.
4. Фрестье Жан. Проспер Мериме. М., 1987.
5. Мериме Проспер. Души чистилища // Собр. соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 2.
6. Переписка Н.В. Гоголя: в 2 т. М., 1988. Т. 2.
7. Михед П. Гоголь и Сильвио Пеллико // Література і культура Полісся. Ніжин, 1996. Вип. 7.
8. Воронаев В. «Горьким словом моим посмеюся» (о духовном смысле комедии Н.В. Гоголя «Ревизор») // Гоголезнавчі студії. Вип. 1. Ніжин, 1996.
9. Виннер Ю. Проспер Мериме – романист и новел лист // Проспер Мериме. Избранное. М., 1977.
10. Золотуский И. Гоголь. М., 1979.
11. Янковський Ю.З. Проспер Мериме. К., 1976.
12. Литературное наследство. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1952.
13. Паперный В. «Преображение Гоголя» (к реконструкции основного мифа позднего Гоголя) // Wiener Slawistischer Almanach. 1997. В. 39.

GOGOL AND MÉRIMÉE: <NOTES ON MÉRIMÉE > IN THE CONTEXT OF SPIRITUAL AND AESTHETIC PURSUIT OF THE 1840S

Imagology and Comparative Studies, 2015, 2(4), pp. 132–146. DOI: 10.17223/24099554/4/7
Mikhed Pavel V. Shevchenko Institute of Literature (Kyiv, Ukraine). E-mail: mihpv@mail.ru

Keywords: Gogol, Mérimée, transfiguration of the soul, Last Judgment, devil.

This article analyses N.V. Gogol's essay <Notes on Mérimée>, which has not been the subject of special attention among literary critics. The essay is considered in the context of Gogol's spiritual and aesthetic development in the last decade of his life. The researcher is focused on Mérimée's novella *The Souls of Purgatory*, which was known by Gogol and could have been translated by him. It can be argued that, if Gogol had translated and published Mérimée's novella, it could have been perceived as a pretext to his *Dead Souls*. To prevent such an interpretation of the poem, Gogol probably abandoned the idea to publish Mérimée's novella, and thereby avoided the direct allusion to the Catholic model of the second volume of *Dead Souls*, which can be called "Dead Souls in Purgatory", because the writer did not declare openly the structure of *The Divine Comedy* as the point of reference.

According to the plan, Gogol's essay on Mérimée was to be the preface to the translation of his novella. So, it can be assumed that Mérimée's novella had a definite influence on the idea of *Dead Souls*. This connection between the two works can be seen at the level of motifs. The central common motif is the 'slap' as indication of a shift in the psychology of the character in the process of 'recycling in our own human nature' (Gogol). The next important motif Gogol constantly refers to is the devil, found in the second volume of *Dead Souls*.

When arrested, Chichikov is ready to atone for his sins, which, as he thinks, were instigated by the devil. The next significant motif is the Last Judgment, which is popular with Gogol and which plays a very important role in Mérimée's novella. When a child, the protagonist of Mérimée's *Souls of Purgatory* was impressed by the painting depicting the tormented sinners. Painted in a dry and strict manner, it showed various forms of tortures. The protagonist experienced Transfiguration after he had seen the picture. Another important theme of <Notes on Mérimée> is the reflection on the vocation of the artist. In this context, Mérimée's image created by Gogol is rather declarative than real. Gogol depicted an ideal concept of an artist that had excited his own imagination for many years, rather than the real French writer.

Gogol's essay shows his special interest in Mérimée's novella, which shares a number of motifs and ideas with the poem *Dead Souls*. At a certain stage of his plan Gogol was interested in translating Mérimée's novella, but realized the dangerous proximity of their works and decided against it. His essay <Notes on Mérimée> had lost relevance and remained in the archive of the writer.

References

1. Gogol, N. V. (1937–1952) *Polnoe sobranie sochineniy: V 14 t.* [Complete Works. In 14 vols.]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
2. Elistratova, A.A. (1972) *Gogol' i problemy zapadnoevropeyskogo romana* [Gogol and the Western European Novel]. Moscow: Nauka.
3. Esaulov, I. (1994) Ternarnaya struktura "Mertvykh dush" i pravoslavnaya traditsiya. Problema preodoleniya apostasii [The ternary structure of *Dead Souls* and the Orthodox tradition. Overcoming apostasy]. In: Stepanenko, M.I. (ed.) *Mikola Gogol' i svitova literatura* [Nikolai Gogol and World Literature]. Kiiv-Nizhin.
4. Freustie, J. (1987) *Prosper Merime* [Prosper Mérimée]. Translated from French by Z. Lesyuk, Z. Fedotova. Moscow: Raduga.
5. Mérimée, P. (1983) *Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh* [Collected Works in 4 vols.]. Vol. 2. Moscow.
6. Gogol, N.V. (1988) *Perepiska N.V.Gogolya. V dvukh tomakh* [N.V. Gogol's Correspondence in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
7. Mikhed, P. (1996) *Gogol' i Sil'vio Pelliko* [Gogol and Silvio Pellico]. In: Samoylenko, G.V. (ed.) *Literatura i kul'tura Polissya* [The Polesye Literature and Culture]. Issue 7. Nizhin: Nizhin State Pedagogical University.
8. Voropaev, V. (1996) "Gor'kim slovom moim posmeyusya" (o dukhovnom smysle komedii N.V.Gogolya *Revizor*) ["I shall laugh my bitter laugh" (on the spiritual sense of Nikolai Gogol's *Revisor*)]. In: Mikhed, P.V. (ed.) *Gogoleznavchi studii* [The Gogol Studies]. Issue 1. Nizhin: s.n.
9. Vipper, Yu. (1977) *Prosper Merime – romanist i novelist* [Prosper Mérimée – a novelist and short story writer]. In: Mérimée, P. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow.
10. Zolotusskiy, I. (1979) *Gogol*. Moscow: Molodaya gvardiya.
11. Yankovs'kiy, Yu.Z. (1976) *Prosper Merime* [Prosper Mérimée]. Kiev. pp. 111–112.
12. Yegolin, A.M. (ed.) (1952) *Literaturnoe nasledstvo. Pushkin, Lermontov, Gogol'* [Literary Heritage. Pushkin, Lermontov, Gogol]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
13. Papernyy, V. (1997) "Preobrazhenie Gogolya" (*k rekonstruktsii osnovnogo mifa pozdnego Gogolya*) [The 'Transformation of Gogol' (the reconstruction of the main myth of the late Gogol)]. In: Hansen-Lowe, A.A. (ed.) *Wiener Slawistischer Almanach*. Issue 39.